

В миру Юлия Черненко, но связи с этим именем не чувствует. Родилась в Москве в июле 1992 года. Выросла в Москве. Пропиталась Москвой.

Влюбилась в Гумилева еще в школе, за ним пошла по рукам Блока, Цветаевой, Пастернака, Ахматовой и современных поэтов.

В 2008 году поступила на журфак Высшей Школы Экономики, там же осталась в 2012 в магистратуре.

Выпустившись из магистратуры в 2014 году, решила продолжить путь кандидатской диссертацией о блуждающих сюжетах.

Считает себя сказочником (Грау — это сокращение от немецкого Graugock, «человек в сером» и иногда «серый волк» в немецких сказках). Не устает напоминать, что в каждой сказке всегда только доля сказки. Собственные сказки вытаскивает из окружающих людей и их жизни. Окружающие этого не любят и иногда сопротивляются.

Свой стихотворный путь и стиль называет Поэзией Периода Полураспада и верит, что однажды полностью перейдет в стихи.

Участник творческого сообщества Dark Romantic Club, случайный финалист фестиваля Мцыри-2015, соавтор «Словаря языка Интернета» под редакцией Максима Анисимовича Кронгауза.

БРОДСКОЕ

Если в мыслях сентябрь, в июле знобит от холода
Стоит только коснуться сентябрьского плеча.
Так случилось: в моей душе появилась комната,
Где в рассветный усталый час закипает чай.

Там всю ночь напролет мы делились друг с другом шрамами,
Забывая про рамки в случайной своей игре.
Мне не нужно ни латных доспехов, ни кожи мраморной,
Если каждое слово срастается в Оберег.

И не надо бежать, греша на хандру осеннюю,
Ни в больницу, ни в храм. Мой диагноз предельно прост:
Внутриреберную планету лихорадит землетрясение,
И Пангея хрустит хребтом, выгибаясь в мост.

И в начале конца, по законам дурацких книжек,
Я растрочу на строки последний словесный мёд.
Обещаю, что ты станешь первым, кто их услышит,
И при этом, возможно - единственным, кто поймёт.

(Если в мыслях сентябрь, то чувства дождем исколоты,
И болезненно хочется - хоть Шипку - да закурить.
Это слишком избито, но - не выходи из комнаты.
Если вышел - вернись в неё,
Черт тебя подери.)

ДЕТИ АТЛАСА

Мы с тобой родились в тот далекий железный век,
Где двуногих ковали, как ныне куют мечи,
Остужая кого в Енисее, кого в Неве,
Дав души - на десяток женщин и сто мужчин.

Мы баюкали в грубых ладонях людских вождей,
Чтобы ими писать историю сквозь года.
Это наша кровь, растворившись в Святой Воде,
В древних книгах зовется именем Иордан.

Это наши слова, прорастая в десятках ртов,
Отзывались торнадо на тысячи лиг вокруг.
А теперь - мы с тобой засыпаем, садясь в метро,
И мечтаем о кофе из чьих-то знакомых рук.

А теперь каждый вечер то чат, то дешевый бар,
То застенки, подвалы и склепы чужих сердец.
Мы найдемся, я верю - такая у нас судьба.
Вот бы встретиться раньше, чем мысли начнут сесть.

Если правда, что каждая жизнь оставляет след,
Мы однажды поймем: судьбоносное - в мелочах,
И узнаем друг друга - сквозь сотни миров и лет -
По следам

от небес

на широких прямых плечах.

Июнь, 2016

Если с неба писать портреты, что послужит для неба кистью?
Отголосок морского ветра, самолетный белёсый след?
Отразившись в глазах поэта, небо станет шальным и чистым —
и с улыбкой до Амстердама одиночный возьмет билет.
Пусть одето не по погоде, разошелся по шву ботинок.. Небо
думает о Ван Гоге, небо слышит его шаги: покоровшись весен-
ней моде, он идет на цветочный рынок, где увидит ее с цвета-
ми и забудет про всех других..
Но на завтра — экспресс до Кёльна. Догорает закат Бельтайна.

Небо пишет стихи в вагоне и не слышит людей вокруг.
Только в зеркале брата-Рейна небо — юное изначально,
словно не было ни Адама, ни столетий смертей и мук..
И ему бы — дышать Берлином в этом мирном, цветущем мае и гулять, подставляя спину и плечо подо все мосты..
Но на завтра — представь картину: ты проснешься навек бескрайним и, проснувшись, поймешь на вдохе —
Это небо сегодня ты.

*Амстердам—Кёльн—Берлин
Май, 2016*

BROTHERS IN ARMS

Как ты, братец? Давно тебе не писал.
Бой в разгаре. Пока Ничья.
В этом мире каждый решает сам,
Что носить на своих плечах.

Жаль, что кровь слабее, чем цвет погон,
А приказы - железней слов.
С каждым днем все ближе Восточный фронт.
Все спокойней жду пулю в лоб.

Так мы пьем - и выпьем себя до дна,
Не давая друг другу фор.
Двадцать третий год, как идет война -
Где сейчас твой небесный форт?

Бог погиб при штурме. С небес трубят,
На последний зовут парад.
Так всегда: если бездна глядит в тебя,
То тем хуже для бездны, брат.

Так всегда: если кажется, Смерть близка,
Тем пронзительней ход часов.
А пока мы живы - у нас в висках
Бьется терпкий брусничный сок.

Эта весть из тех, что не стоит ждать,
Ведь о том, что я жив и цел,
Ты узнаешь ровно в момент, когда
Я поймаю
Тебя
В прицел.

Март, 2016

МЫ С ТОБОЮ ОШИБЛИСЬ..

Мы с тобою ошиблись веком.
Нам бы жить - не на этом сломе.
Обреченно укрылись веки
В ледяные до слёз ладони.

Вырастают года стеною.
Нам - по лестнице вниз, в подвалы.
Мы ошиблись с тобой страной.
Так давай же начнем сначала.

Мне бы - плащ, что крестом украшен.
А тебе - серебро тиары.
И оскалены зубья башен,
Наблюдателей сказок старых.

Непокорный нападкам черни,
Рвущий с корнем заразу страха,
Я - Тебе присягну на верность.
Ты - отправишь меня на плаху.

На губах замирают крики,
Плащ испачкан тюремной грязью..
И Святых золотые лики
Безучастно следят за казнью.

Декабрь, 2011

НИЛЬС И ГУСИ

Кто-то боится грозы и монстров.
Этот — до паники — взглядов вниз.
В школе он был одинок, как остров.
Дома его называли Нильс.

Дни застревают осколком в горле.
Нильсу приходится быть, как все.
Мальчик мечтает, как, выйдя в поле,
Встретит однажды своих гусей.

Он, поднимая повыше ворот,
Смотрит на небо, на компас звезд.
Нильсу давно наплевать на город —
Город бездушной гусиных гнезд.

Ветер скребется в оконной раме.
Холод змеею ползет в постель.
К Нильсу ночами приходит Гамельн,
Маршем гремя между голых стен.

Перебирая пустые гильзы
Зря отвоеванных дней и лет,
Сколько таких же бесчисленных Нильсов
Ищет глазами гусиный след?

Но в бесконечном повторе «завтра»
Им не покинуть семейных гнезд.
Город съедает таких на завтрак —
Жертвами славится каждый мост.

Август, 2014